

Материалы обсуждения «Пролегомен к моральной ответственности»

Proceedings of a Discussion on «Prolegomena to Moral Responsibility»

Апресян Рубен Грантович (Институт философии РАН, доктор философских наук, профессор, руководитель сектора этики). Заслуживает серьезного внимания сам факт выхода в свет выпуска журнала «Финиковый Компот», посвященного проблематике моральной ответственности. Ключевое место в этом номере принадлежит «Пролегоменам...» – аналитическому обзору, подготовленному на основе обсуждений моральной ответственности в аналитической философии. Основные положения этого обзора представлены во вступительной статье к нашему обсуждению. Как мне кажется, это издание заметно меняет нашу литературную ситуацию в части обсуждений моральной ответственности. Представленные в обзоре идеи и подходы подлежат осмыслению и вовлечению в русскоязычный дискурс моральной ответственности, который, как я надеюсь, получит благодаря спецвыпуску «Финикового Компота» благотворный импульс. Имея в виду эту перспективу, обозначаю вместе с тем возможность иного, по сравнению с предлагаемым, подхода к рассмотрению моральной ответственности.

Для авторов обсуждаемой статьи предметом преимущественного внимания является акт возложения ответственности на морального агента. Как показывает грамматика соответствующих высказываний, возложение ответственности мыслится ими как происходящее *извне*. При этом не уделяется внимания тому, кто и в каких ситуациях обладает такой прерогативой, а если ею обладают все, то как строится и чем обеспечивается процесс взаимодействия между моральными агентами? Ответ на этот вопрос предполагает опору на понятие морали как таковой. Для меня исходным пунктом рассмотрения ответственности было бы установление ее места в контексте морали, в соотношении с другими моральными феноменами (например, обязанности, вины, заслуги, достоинства, совести, т.е. феноменами, непосредственно связанными с ответственностью, опосредованно к которым ответственность обнаруживается).

Акт наложения ответственности, по сути, рассматривается авторами как некий изолированный акт, происходящий между никак не идентифицированными индивидами во вненормативном пространстве. На мой взгляд, индивид обретает статус морального агента самим фактом вменения ему ответственности, а это оказывается возможным потому, что индивид как член сообщества обладает некими обязанностями. Индивид волен отказаться от статуса морального агента, но только ценой выхода из сообщества. И, наоборот, как автономный моральный агент индивид принимает на себя ответственность независимо от диспозиции других в отношении него. Соответственно, меняется конфигурация феномена ответственности.

Для меня не очевидно, что все, что авторы говорят об условиях возможности ответственности, специфично по отношению к ответственности и не может быть воспроизведено без особых коррекций при рассмотрении других феноменов морали, да и морали вообще (на индивидуальном уровне ее существования).

Следует учитывать, что ответственность – это характеристика состояния не наблюдателей поступка, так или иначе реагирующих на него, а самого деятеля. Ответственность – это проявление качества отношения морального агента к другим агентам, а именно понимание и признание им своей *зависимости* от других, во-первых, в принятии решений и совершении действий и, во-вторых, в оценке результатов своих решений и действий.

В связи с этим встает вопрос о формах проявления ответственности. На стадии принятия решений и совершения действий ответственность проявляется в обязательствах, которые принимает на себя моральный агент, а на стадии оценки результатов его решений и действий – в дополнительном бремени, призванном как-то компенсировать отрицательные последствия его активности (в случае положительных результатов вопрос об ответственности не ставится). Это бремя он сам накладывает на себя, или оно возлагается на него другими.

Еще один вопрос касается процедур актуализации ответственности на стадии планирования моральным агентом своей активности и на стадии оценки ее результатов им самим и сообществом в лице его коммуникативных и социальных партнеров. И это вопрос о том, как происходит вменение ответственности.

Беседин Артем Петрович* (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии философского факультета). Авторы предлагаемой к обсуждению статьи строят свое изложение достаточно традиционно – вокруг условий моральной ответственности (МО). Они выделяют два общепринятых условия – условие контроля и эпистемическое условие – и добавляют еще одно, психологическое. При этом, обсуждая известные проблемы условия контроля, они обходят стороной трудности, связанные с эпистемическим условием. Например, то, что само исследование, ведущее к определенным убеждениям агента, представляет собой

* Текст А.П. Беседина подготовлен при финансовой поддержке РФФ, проект № 21-78-10044 «Феномен моральной ответственности». Funding: The text was prepared with the support by RSF, project No. 21-78-10044 «The Phenomenon of Moral Responsibility».

деятельность, за которую агент также может нести ответственность. Или то, что детерминизм и проблема удачи угрожают знанию не в меньшей мере, чем контролю.

Эти два условия не являются в сумме достаточными для приписывания МО (а условие контроля, возможно, и не необходимо). Более того, контроль и знание не объясняют нормативный характер МО. Поэтому очень важно предложение авторов статьи выделить третье условие МО – неизвестное нечто, которое должно решить проблему. Термин «психологическое условие» представляется крайне неудачным для этого *tertium quid*, поскольку уводит мысль от того, чему оно должно служить, – от обоснования нормативности МО. Такую функцию может выполнять стросонианское качество воли. Этой линии следует Д. Шумейкер, который выделяет целых три вида качества воли. Другие авторы пытаются действовать не экстенсивными методами, а интенсивно, например укореняя качество воли агента в его моральном характере (как, например, Номи Арпали).

Авторы статьи упоминают значение качества воли, однако примешивают к своему «психологическому условию» такие факторы, которые не служат цели придания нормативности МО: в пример приводится невнимательность врача. Невнимательность характеризуется как черта характера, однако часто такие черты относят не к моральному, а к интеллектуальному характеру, и поэтому она должна рассматриваться под рубрикой эпистемического условия. В итоге «психологическое условие» объединяет разнородные элементы, которые гипотетически должны помочь решить все проблемы философии МО, оставшиеся после проработки двух других условий.

Существенным представляется анализ авторами понятия уместности. Одна из тенденций в современных исследованиях МО состоит в пересмотре позиции, согласно которой реактивные установки неизменны. С одной стороны, трудно отрицать их культурную обусловленность. С другой – научные открытия влияют на наше представление о контроле и агентности, приводя к более точному пониманию того, в каких случаях действие агента можно извинить. Учитывая это, философы пытаются строить более гибкие концепции МО, допускающие возможность контроля реактивных установок и практик МО в целом. Ярким примером является морально-экологическая концепция М. Варгаса. Авторы статьи не обращаются к культурным или научным влияниям на МО. Вместо этого они анализируют само понятие уместности и приводят краткий и изящный аргумент в пользу того, что реактивные установки должны как-то контролироваться агентом, чтобы понятие МО вообще было осмысленным. Тем самым они поддерживают одну из ключевых тенденций в современной философии МО и вносят большой вклад в дискуссию.

Васильев Вадим Валерьевич (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, член-корреспондент РАН, профессор, заведующий кафедрой истории зарубежной философии философского факультета). Очень ценный материал получился. Но выскажу несколько полемических замечаний. Первое из них связано с важным соотношением морального осуждения и наказания. Авторы, конечно, не слишком жестко их увязывают, и это, на мой взгляд, правильно. Но я считаю, что тут надо занять еще более радикальную позицию: это совершенно разные,

сущностно малосвязанные вещи. Приведу простой пример, когда мы считаем правомерным наказание за действие, одобряемое с моральной точки зрения. Представьте смелого разведчика, который работает в другой стране в интересах нашей страны. Мы, несомненно, морально одобряем его работу, но, если он попадется, мы при этом сочтем совершенно правомерным его наказание властями той страны, где он ведет разведку. Такие примеры хорошо показывают концептуальный разрыв между осуждением и наказанием. Но у авторов наказание все же выглядит неким продолжением именно морального осуждения.

Этот момент соотношения осуждения и наказания, на мой взгляд, действительно принципиален. Но чтобы разобраться в их подлинном соотношении, надо, на мой взгляд, более подробно разобрать метаэтический вопрос о природе морального осуждения или одобрения. Авторы во многом посвящают свое исследование проблемам метафизики моральной ответственности, описывают эти проблемы в первую очередь через вопрос о природе моральной ответственности, будто бы анонсируют обсуждение этой природы, но потом сами пишут, что вопрос о природе моральных последствий, в том числе базовых реакций для феномена моральной ответственности, рассматривать не будут, и ограничиваются лишь рассмотрением условий законного, так сказать, существования этих реакций.

Но что же может дать в этом плане обсуждение их природы? Я убежден, что так называемое моральное одобрение и осуждение индивидом *других* людей – подчеркиваю, что в данном проблемном поле нас интересует прежде всего одобрение и осуждение других, – в плане своего происхождения является не более чем побочным продуктом или даже отражением одобрения и осуждения людьми собственных действий. Примером последнего могут выступать угрызения совести. Если мы зададимся вопросом, зачем они нужны, то тут ответ очевиден: это служит улучшению своего поведения в будущем и моральному совершенствованию. Заметьте, что позитивная эволюционная роль таких реакций, как угрызения совести, не вызывает поэтому никаких вопросов. Но, разумеется, нет никакой глубокой связи угрызений совести с наказанием самих себя. Они служат для того, чтобы в будущем не повторять каких-то ошибок. С наказанием тут нет связи.

Именно это базовый феномен, а моральное осуждение других людей – это просто протуберанец, отражение этой базовой эмоции. Это обычно не понимается, и такое непонимание может заводить в тупик, когда мы начинаем думать о практическом смысле морального осуждения: ломаем голову, ищем практический смысл, а его нет, по сути. Но мы его ищем, и нам хочется связать его с наказанием, хотя наказание относится по большей части к социальной прагматике: наказания применялись бы, даже если бы у людей вообще не было моральных чувств.

И последнее. Дело в том, что стремление к наказанию может быть связано еще и с чувством справедливости, которое служит источником особой мотивации, которая, если подумать, мало связана с обычной альтруистической моральной мотивацией. Поэтому на деле на чувство справедливости вообще не влияют рассуждения о детерминизме. Какая разница, мог кто-то поступить иначе или нет? Человек поступил так, как поступил, нарушил баланс, и этот

баланс должен быть восстановлен именно ради справедливости. В предложенной работе эти темы почти не обсуждаются. Но ничего из того, что сказано в «Пролегоменах...» или в обсуждаемой статье, не противоречит, на мой взгляд, тому, о чем я сейчас сказал. Так что прошу рассматривать эти мои краткие соображения скорее как теоретические пожелания на будущее.

Костикова Анна Анатольевна (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии языка и коммуникации философского факультета). Представленная работа пытается подвести нас к осознанию сложности проблемы моральной ответственности и, на мой взгляд, успешно справляется с этой задачей. Однако чего-то в ней мне не хватает. Может быть, не хватает акцента на том, что с точки зрения историко-философской реконструкции моральная ответственность действительно оказывается понятием функционального тождества личности. И в этом плане оно работает абсолютно классически: собственно этическое, метаэтическое и метафизическое представлены здесь как основания для конкретных решений и прикладных следствий. Это, конечно, очень важный аспект, но он свойственен и другим концепциям, которые мы знаем из классической философии. Он всегда служит основанием для того, чтобы что-то сказать в рамках социальной прагматики.

В этом отношении мне хотелось бы задать вопрос, насколько, с точки зрения авторов, скажем, какие-то недостатки той или иной концепции должны подталкивать нас к принятию какой-то определенной концепции или теории в аналитическом поле, которая эти проблемы, недостатки, внутренние противоречия снимает – ведь здесь действительно есть большой соблазн. Насколько такое, казалось бы, нейтральное изложение должно нас подтолкнуть к принятию определенной точки зрения на все перечисленные вопросы, которая избавила бы нас от сложностей? А их очень много. Например, сложностей, связанных с тем, что вопросы, артикулирующие темы морали, фактически ставятся как вопросы об ограничении или, наоборот, расширении прав и спектра возможных действий. Именно к такой постановке вопроса привязывается следующее за ней определение самой моральной ответственности. И тот опыт, который накопила мировая философия, мне кажется, многими рассуждающими об этих сюжетах на аналитическом языке недостаточно учтен. Например, у Иммануила Канта моральное действие рассматривается как управление поступками. Но сразу после Канта сфера ответственности расширяется фактически абсолютно, в том числе за пределы собственно управления. Это расширение может быть, как, например, у Сартра, построено на абсолютизации самого поступка и абсолютизации отсутствия детерминации этого поступка. Безосновное в этом плане действие максимально, тотально расширяет ответственность. С этим феноменом очень непросто работать современным аналитическим концепциям. Когда мы попадаем в ситуацию выбора, мы, конечно, оказываемся в ловушке: о чем же мы должны в таком случае говорить – о мотивации, о действиях, о решениях, о роли эмоций на каждом уровне принятия решений, о наличии ауторефлексии или о чем-то еще? Тут нужны уточнения. В самом выпуске «Финикового Компота» говорится, например, об опыте от первого лица; и у самих аналитиков есть довольно сильный акцент

на коммуникативных проблемах и на прикладных коммуникативных аспектах тех или иных концепций. Однако это не снимает сложности обсуждения долга, долженствования, обязанности, обязательств, ответственности, наказания, моральной агентности и т.д. Сложность таких обсуждений я бы связала прежде всего со сложностью предмета. Для продуктивного исследования нужно больше конкретики. В этой связи я обратила бы внимание на Мишеля Фуко, который именно в этом аспекте много говорил и об ответственности, и о системе наказаний, и об аутодисциплине, и о внешней дисциплине.

Кузнецов Антон Викторович (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, кандидат философских наук, младший научный сотрудник кафедры истории зарубежной философии философского факультета). Мой комментарий будет посвящен эпистемическому условию моральной ответственности. По моему мнению, с агента может быть снята моральная ответственность даже в случае, если он не знал некоторой важной информации, которую должен был знать, и эпистемическое условие требует возложить на агента ответственность.

Эпистемическое условие формулируется следующим образом: «Возложение моральной ответственности уместно только в том случае, если агент находился в такой эпистемической позиции, из которой ему в достаточной степени было доступно релевантное знание о том, за что на него возлагается моральная ответственность». Авторы поясняют, что достаточная доступность релевантного знания означает то, что агент актуально мог не знать его, но с учетом условий знать обязан. Здесь важно учитывать причины незнания. «Если агент не знает чего-то по причинам, за которые он сам несет моральную ответственность, то он является ответственным и за действия, обусловленные этим незнанием». Ключевую роль играет понятие доброй воли, которую агент должен был бы приложить, исходя из обстоятельств. Например, врач должен знать, что гомеопатические препараты неэффективны. Здесь ясно без дальнейших разъяснений, почему обстоятельства можно считать релевантными. В данном тексте я не намерен их как-то конкретизировать. Достаточно сказать, что релевантные основания определяются особым статусом агента в той или иной деятельности. Это прозрачно работает в случае профессий (врач, учитель, росгвардеец). Таким образом, можно сформулировать тривиальное правило: «Если источником незнания является отсутствие доброй воли в релевантных обстоятельствах, то агент несет ответственность за это незнание».

Естественно, опускаются ситуации когнитивных дефицитов, психологических девиаций и иных подобных психических или физиологических особенностей агента, а также опускаются и ситуативные препятствия, делающие невозможным познавательный доступ к той или иной информации.

На мой взгляд, даже если все эти условия удовлетворены, то все еще сохраняется возможность снятия моральной ответственности с агента за незнание. Это связано с тем, что в дискуссиях часто исходят из некоего отвлеченного и даже противоестественного понятия агента, который в любой релевантной ситуации способен проявить добрую волю. Иными словами, в некоторых случаях агент просто не мог проявить добрую волю, даже если должен был, даже если соблюдались релевантные обстоятельства, даже если не было эпистеми-

ческих, ситуативных, психологических, физиологических и иных препятствий, которые бы делали получение знания невозможным. Если такое возможно, то анализ конкретной ситуации, в которой агент не проявит доброй воли к знанию, не укажет на основания снятия моральной ответственности. Например, агент X является философом, преподавателем, участником дорожного движения, юридических отношений, гражданином, военнообязанным, родителем, братом, крестным. Этот список можно ограничить лишь произвольно. Однако интуитивно ясно, что речь идет о такой ситуации, когда общий объем знания, которым в релевантных обстоятельствах должен обладать агент X, превышает его актуальные возможности. И даже если бы агент X посвятил бы всего себя на приложение доброй воли к своему незнанию, все еще оставалось бы такое знание, которым в релевантных условиях он должен был бы обладать, но *просто не мог* приложить добрую волю к нему.

Это лишь схематичное рассуждение призвано указать на общую проблему: мне кажется, что последовательное применение эпистемического условия приведет к тому, что можно назвать перманентным состоянием моральной тревоги. Так как нельзя знать всего, что должно знать, т.е. всего, за что с агента можно потребовать отчет, то получается, что наш агент оказывается в ситуации, когда он должен знать слишком много.

Левин Сергей Михайлович* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, кандидат философских наук, доцент департамента социологии). Работа «Этика и метафизика моральной ответственности» – это одна из лучших известных мне попыток навести концептуальный порядок в дебатах о моральной ответственности. Она также представляет собой прекрасный пример того, что сегодня может достичь кабинетная спекулятивная философия, – перед нами понятная схема моральной ответственности, которая позволяет рационально, а не только с опорой на эмоции и интуиции обсуждать запутанные ситуации приписывания моральной ответственности.

Работа состоит из двух неравных по объему частей. В первой части описываются условия и структура моральной ответственности. В целом можно признать, что предложенное описание хорошо передает сущность моральной ответственности и то, как она понимается в современной аналитической философии. Во второй части авторы раскрывают вопрос об уместности моральной оценки. Согласно одной из предложенных трактовок уместность означает обязательность некоторой негативной или позитивной моральной реакции. Например, возмущения несправедливостью или одобрения добродетели. Данная трактовка уместности оказывается уязвима для аргумента от отсутствия контроля. Этот аргумент гласит, что мы не можем контролировать некоторые моральные реакции, поэтому нельзя требовать от человека одобрения хороших поступков или осуждения проступков.

* Текст С.М. Левина подготовлен при финансовой поддержке НИУ ВШЭ, проект «Натурализация этики: естественнонаучные подходы к свободе воли и моральной ответственности». The text was prepared with the support of the Higher School of Economics, project «Naturalisation of Ethics: Natural Science Approaches to Free Will and Moral Responsibility».

Я считаю, что аргумент от отсутствия контроля применим только к эмоциям и даже в отношении их он не является принципиальным аргументом. Для начала стоит развести рациональные и эмоциональные моральные реакции. Рациональные моральные реакции в форме моральной оценки, выраженные в словах и делах, могут контролироваться агентом, и за них он может нести моральную ответственность в соответствии со схемой, изложенной в первой части статьи. В обычных условиях люди несут ответственность за свои рациональные моральные реакции. Например, тот, кто одобряет геноцид на основе своих идеологических соображений, не просто ошибается, его моральную реакцию уместно осудить, так как в его власти пересмотреть свои взгляды. Эмоциональные же реакции, напротив, неподвластны нам в степени, достаточной, чтобы выполнялось условие контроля. Поэтому аргумент от отсутствия контроля применим к эмоциональным, но не к рациональным реакциям.

Далее, если же рассматривать только эмоциональные моральные реакции, то можно заметить, что аргумент от отсутствия контроля строится на техническом, а не принципиальном ограничении. У нас могут быть прагматические и эволюционные объяснения отрицательного отношения к людям с садистскими наклонностями, ведь такие люди обоснованно кажутся более опасными, чем те, у кого садистских наклонностей нет. При этом отсутствуют какие-либо этические основания осуждать человека лишь за то, что ему психологически приятны мучения окружающих, при условии что он не реализует свои наклонности. По аналогии с тем, как просвещенные люди не должны осуждать или, наоборот, хвалить себя и других за врожденные сексуальные предпочтения.

Технический характер ограничения проявляется в том, что если бы у людей появилась возможность контролировать свои эмоциональные реакции в морально релевантных ситуациях, то это бы могло поднять планку требований к качеству наших эмоциональных реакций. Допустим, у человека появляется возможность избавиться от своих садистских пристрастий с помощью курса когнитивной терапии. Такая возможность дала бы человеку контроль, необходимый для моральной ответственности. Это, в свою очередь, сделает необходимым порицание человека, если он такой курс не пройдет. Таким образом, аргумент от отсутствия контроля относится лишь к эмоциональным моральным реакциям и только до тех пор, пока мы не можем их контролировать.

Мишура Александр Сергеевич* (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», кандидат философских наук, научный сотрудник; Международная лаборатория логики, лингвистики и формальной философии). Авторы статьи «Этика и метафизика моральной ответственности» замечательно описали концептуальную рамку, с помощью которой можно анализировать дебаты о природе и условиях моральной ответственности. В своем комментарии мне хотелось бы коснуться проблем анализа отношения уместности, о котором авторы пишут в последней части работы. Что означает

* Текст А.С. Мишуры подготовлен при финансовой поддержке НИУ ВШЭ, проект «Натурализация этики: естественнонаучные подходы к свободе воли и моральной ответственности». The text was prepared with the support of the Higher School of Economics, project «Naturalisation of Ethics: Natural Science Approaches to Free Will and Moral Responsibility».

уместность моральных последствий, если речь идет о моральной ответственности?

Авторы предлагают анализировать понятие уместности в модальных категориях. В таком случае уместность последствия может означать его моральную необходимость, долженствование агента осуществить это последствие или моральную возможность, допустимость. Однако, как показывается в статье, обе интерпретации сталкиваются с трудностями. Применение категории долженствования трудно совместить с интуицией о том, что мы слабо контролируем эмоциональные реакции, которые ассоциируются с возложением ответственности. Применение категории возможности трудно совместить с интуицией о том, что в некоторой ситуации наличие или отсутствие эмоциональных реакций может восприниматься как нечто дурное. Если человеку радостно наблюдать за чужими страданиями, его радость кажется чем-то дурным. Если человек не испытывает морального возмущения, наблюдая за чудовищной несправедливостью, его спокойствие может вызвать у других возмущение.

Авторы вполне верно описали трудности, с которыми сталкивается модальный анализ. Однако, с моей точки зрения, эти трудности можно частично решить, уточнив понятие необходимости, которое используется при анализе понятия уместности. Уместность некоторых моральных последствий, с моей точки зрения, можно понимать в русле этики добродетелей. Если некоторое моральное последствие уместно, добродетельный человек *необходимо* реализовал бы это последствие. Наблюдая страшное зло, добродетельный человек *необходимо* возмущился бы этим злом. В этом смысле возмущение является необходимым, а не просто возможным, допустимым моральным последствием: невозможно быть добродетельными и не возмутиться чудовищной несправедливостью. Однако отсутствие такого возмущения не означает, что человек нарушил некоторый долг или обязательство. Скорее, он обнаружил некоторую моральную нечувствительность, недоразвитость своего морального характера. Более того, было не вполне правильным сказать, что такой человек *должен* был что-то почувствовать, поскольку его характер не предполагал этой возможности. Вопрос об ответственности за этот характер прямо связан с дискуссией о проблеме свободы воли, и ответ на него будет зависеть от позиции в этой дискуссии.

Мне кажется любопытным тот факт, что это рассуждение, в отличие от многих рассуждений в дискуссии о моральной ответственности, вполне применимо и к позитивным моральным последствиям, например одобрению, восхищению, радости за другого человека. Если позитивное моральное последствие уместно, то добродетельный человек *необходимо* его реализует, а отсутствие этого последствия демонстрирует некоторый моральный недуг. Так, добродетельный человек не сможет не порадоваться за успехи товарищей, а отсутствие такой радости может свидетельствовать, например, о завистливости.

Остается только порадоваться за то, что на русском языке появился такой интересный и содержательный текст о природе моральной ответственности.

Платонов Роман Сергеевич (Институт философии РАН, кандидат философских наук, научный сотрудник сектора этики). С большой радостью за моих коллег отмечу бесспорную основательность их работы, к тому же так

удачно совмещенную с приемом введения читателя в исследование как бы из слепой точки, когда нам дается возможность вместе с авторами постепенно, практически на ощупь войти в новую тему, что делает текст открытым для широкой аудитории.

Однако, если вы внимательный читатель, в конце у вас непременно останется вопрос – при чем же здесь мораль? Совершенно очевидно, что исследование не идет дальше родового понятия «ответственность». Попробуйте заменить во всем тексте специфицирующее понятие «моральная» на любое другое – «эстетическая», даже «кулинарная», – и вы увидите, что ничего ни в ходе исследования, ни в его логически выверенных итогах не изменится, включая и проблему уместности. Понятие моральности просто коллапсирует в понятие ответственности и фактически растворяется в нем.

Хорошим примером такой запутанности авторов является также употребление ими понятия «каузальная ответственность», в котором ими лишь фиксируется наличие каузальной связи между субъектом и его действием. В этом случае недоумение вызывает уже понятие «ответственность». Дело в том, что не был указан очень важный момент: ответственность, в отличие от моральности, это характеристика не действия, а отношения субъекта к действию – такая же, как и каузальность, причем последняя более фундаментальная. Когда я отношусь к своему действию (т.е. действию, которому я причина) так, что я за него еще и отвечаю (ну или мне можно вменить за него ответственность) – я причина отвечающая, только тогда можно говорить об ответственности вообще и нет смысла называть ее каузальной, ведь без каузальности или хотя бы ее суррогата в виде какого-то рода причастности (например, в случае коллективной ответственности) ее и быть не может.

Далее, если мы проговариваем связь каузальности и ответственности, то исчезает и вопрос – можно ли не осуждать? Так как, задавая отношение, вы уже задаете некую систему порядка, а значит, в конечном счете «можно» будет задано тем, что в данной системе «нужно», а оно, в свою очередь, выражает ценностные установки, принятые в системе. Соответственно, вы и получите ответ – нельзя не осуждать «ненужное», нельзя не одобрять «нужное», иначе невозможна никакая система порядка и само понятие ответственности становится бессмысленным. Если в данной системе порядка есть те ценностные установки, которые мы классифицируем как моральные, то через соотношение с ними и осуждение, и ответственность становятся именно моральными.

Также очевидно, что аналитика ответственности не может обойтись без аналитики поступка. Здесь нелишним будет указать на того, кто стоял у истоков разработки этической проблематики, – Аристотеля. По сути, авторы тематически останавливаются где-то в области его концепции сознательного выбора. Тогда как у Аристотеля этика и начинается там, где заканчивается аналитика поступка, т.е. отделяется от антропологии.

Аналитика ответственности может быть применима везде, где речь идет о деятельности человека, и, конечно, она наиболее важна для теории морали, но выход из антропологии в этику возможен лишь посредством следующего шага – ясной спецификации ответственности как моральной. Думаю, если отнестись к полученным результатам именно как к подготовке к такому шагу,

то многие уже высказанные замечания наших коллег будет легко учесть – ведь большинство из них касаются того, какие уточнения требуются в представленной схеме вменения ответственности при применении ее в исследовании морали. Правда, для этого авторам нужно будет решить вопрос, что такое мораль, и либо найти для нее столь же универсальную, чистую в своей аналитичности схему, какую они нашли для ответственности, либо исследовать, как работает полученная схема вменения ответственности в каждой отдельной концепции морали. Поэтому мое замечание ни в коем случае не упрек, а предложение авторам сделать следующий шаг в их исследовании. Так и Колумб тоже искал Индию, а нашел Америку, но от этого его находка менее ценной не стала.

Прокофьев Андрей Вячеславович (Институт философии РАН, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора этики). Я задаю себе вопрос: что могло бы еще присутствовать в «Пролегоменах...» в качестве достойных обсуждения проблем, ради представления которых вполне могло бы потесниться что-то из имеющегося содержания публикации? Можно выделить три таких пункта.

Пункт первый касается различия проспективной и ретроспективной ответственности, которое очень бегло затрагивается в одном из фрагментов. Однако введение в проблематику моральной ответственности, претендующее на то, чтобы полноценно картографировать это теоретическое пространство, не может быть столь односторонне сосредоточено на второй части этой оппозиции. Проспективная ответственность, – это ответственность агента за поддержание какого-то состояния реальности или за его формирование, предшествующая ответственности как реакции на поступок, не соответствующий моральным стандартам (т.е. предшествующая осуждению как таковому или какому-то особому модусу осуждения). В этической мысли слово «ответственность» в этом своем смысле часто используется для того, чтобы обозначить особое понимание долга и обязанности, которое более точно отражает реалии морального опыта, или задать образ более совершенного типа морального сознания, чем тот, который господствует в настоящий момент (этика ответственности в сравнении с другими этиками).

Пункт второй касается тех проявлений ретроспективной моральной ответственности, в которых такое стандартное условие осуждения или самоосуждения агента, как предвидение и контроль в отношении морально неприемлемых результатов поступка, оказывается неприменимо даже в самых своих утонченных, специально скорректированных версиях. Я имею в виду разные случаи морального невезения или моральной неудачливости. В «Пролегоменах...» затронута лишь проблема зависимости агента от той среды, которая формирует его личность. Однако спектр влияющих на осуждение и самоосуждение случаев моральной неудачливости шире. Во-первых, это неудачливость, связанная с простым стечением обстоятельств, которое при невольном участии деятеля ведет к страданию или смерти других людей. Во-вторых, это неудачливость, связанная с невозможностью уклониться от ситуации нормативного конфликта. И, в-третьих, это неудачливость, связанная с принадлежностью деятеля к коллективам, которые выступают в качестве источника масштабных морально неприемлемых событий.

Мне кажется, что эти пункты по своей значимости вполне соответствуют жанру фундаментального введения в проблематику, если речь идет о проблематике моральной ответственности.

В особенности важно проследить, как выводы из анализа феномена моральной удачи влияют на реконструкцию философами общих оснований моральной ответственности. Не пытаясь раскрыть эту тему в полноте, приведу один пример. Обсуждая моральную ответственность в политике, Бернард Уильямс полагает, что способность политика чувствовать себя виновным после принятия правильного, но в том или ином отношении безжалостного решения благотворна для свободного и демократического общества. И на этой основе приходит к тезису об оправданности данного проявления индивидуальной моральной ответственности. Ключевой теоретический вопрос, возникающий в этой связи, состоит в том, должно ли вообще зависеть от подобных соображений (соображений общественного интереса) именно моральное осуждение или самоосуждение агента, находящегося в процессе практического самоопределения, – именно моральное осуждение, а не система материальных и внешних санкций, как у Дерка Перебума.

Наконец, третий пункт связан с анализом конкретных моральных эмоций, как эмпирическим, так и феноменологическим или философским. Думаю, что обращение к нему также могло бы внести интересные акценты во вводный текст по теории моральной ответственности. Картина модусов осуждения и самоосуждения могла бы оказаться богаче. Я вижу это на примере знакомых мне исследований феноменов вины и стыда. Кстати, тема внешнего осуждения в «Пролегоменах...», на мой взгляд, преобладает по отношению к самоосуждению. Но вряд ли это так в реальном моральном опыте.

Разин Александр Владимирович* (Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, заведующий кафедрой этики философского факультета). В предложенной на рассмотрение статье (как поле проблемной дискуссии) проводятся тонкие различия положений аналитической философии по проблеме ответственности. В частности: 1. *Условие контроля* (агент должен контролировать то, за что на него возлагается ответственность). 2. *Эпистемическое условие* (которое говорит о способности иметь релевантное знание). 3. *Психологическое условие* (оценка воли агента с точки зрения ценностных значений – «хорошо», «дурно» и т.п.). Авторы полагают, что условие 3 может в какой-то мере контролировать, смягчать условие 1. Но я думаю, что по большому счету вопрос здесь достаточно ясен. Человек, не реагирующий на моральное зло эмоционально, – это просто черствый, неразвитый в моральном отношении человек. Если же он радуется злу, то это уже патология. Кроме того, аналитическая

* Текст А.В. Разина подготовлен при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-18-00421 «Проблема исторической ответственности: этико-нормативные основания, дискурсивные практики и медиа-репрезентации». Funding: The text was prepared with the support by RSF, project No. 19-18-00421 «The Problem of Historical Responsibility: Ethical and Normative Foundations, Discursive Practices and Media Representations».

философия вообще не единственная парадигма, в которой может быть рассмотрена моральная ответственность.

Не могу согласиться с тем, что ответственность в смысле добродетели, присущей человеку, выводится за пределы сферы моральной ответственности («Ответственность в смысле добродетели, присущей человеку, который, например, ответственно относится к своим обязательствам»). Дело в том, что добродетель, понятая в широком смысле, – это ответственность за такие свои качества, которые являются ценными для других в совместном производстве, например за свои профессиональные стандарты. И. Кант говорил, что человек имеет обязанности перед самим собой в смысле развития своих социально ценных качеств. Еще раньше Д. Юм говорил о том, что древние моралисты, притом лучшие из них, понимали под добродетелью не только собственно моральные, но и все социально ценные качества. Это означает, что этика добродетелей в ее воздействии на личность содержит в себе важнейшие положения, касающиеся моральной ответственности.

Кроме того, авторы в основном говорят об ответственности в смысле способности избежать каких-то действий, предвидеть их негативные последствия или совершить сложный дилемматический выбор. При этом одни принципы и представления об эмоциональных состояниях могут контролировать и корректировать другие. Это верно. Но есть и ответственность совсем другого рода. Это ответственность за историческую перспективу развития общества, за коллективные решения, неизбежно принимаемые при реализации ответственности такого рода. Об этом в статье ничего не говорится. Такая ответственность требует дискурсивной процедуры, учета компетенций тех, кто участвует в дискурсе, и в то же время привлечения мнения широкой общественности, для чего должны быть выработаны соответствующие демократические процедуры, процедуры гуманитарной экспертизы. Например, представляется возможным сочетание мнений профессионала и широкой общественности по типу решения в суде присяжных, где профессионалы выступают с обвинением и защитой, а присяжные оценивают доказательства. Такая процедура используется в некоторых медицинских структурах в Великобритании и называется гражданским судом. Этот суд высказывает мнения по поводу сложных решений об эвтаназии, пересадке органов и т.д. Решения являются рекомендательными, но медицинская структура обязана объяснить причины своего несогласия. Другой пример: Институт публичной политики Джона Мейджера. Он работает как независимая от правительства общественная организация, в деятельность которой вовлечена широкая общественность, хотя и существует на средства правительства. Комитет наблюдает за различными сторонами общественной жизни и подает правительству рекомендации. Многие из них принимаются.

Таким образом, говоря о моральной ответственности в современном обществе, надо рассматривать реальные институты гражданского общества, а не только возможные личные моральные установки.